

А. Н. Пилюков

ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА КСЕНОФОНТА ХОРОВА

Бурные события 1933-1934 гг. на севере Ханты-Мансийского (тогда – Остяко-Вогульского) автономного округа в советские времена характеризовались как контрреволюционное кулацкое восстание, или кулацко-шаманский мятеж, а в 1990-е гг. – как Казымское восстание. Широкая читательская общественность узнала об этих событиях благодаря публикациям А. В. Головнева и Г. Н. Тимофеева¹. Упомянутые авторы опирались на хранящиеся в архиве Тюменского регионального управления Федеральной службы безопасности материалы следствия и суда над участниками Казымского восстания. Судебный процесс завершился 22 июня 1934 г. вынесением 11 смертных приговоров и осуждением на различные сроки тюремного заключения 38 человек². Недавно нам удалось ознакомиться со следственными делами 1935-1936 гг., проливающими свет на настроения абorigенов Казымской тундры и прилегающих к ней районов после подавления восстания³. В центре внимания следователей НКВД оказалась фигура хантыйского шамана Ксенофонта Ивановича Хорова, который избежал судебного преследования в 1934 г.

Остяки

В декабре 1933 г., дней через десять после расправы над пятью русскими – представителями местных органов власти, в лагере казымских повстанцев около озера Нум-То появился К. И. Хоров со своим сыном Николаем. Руководители повстанцев предложили им отправиться эмиссарами в сторону Сургутской, Надымской и Пуровской тундры с целью привести оттуда как можно больше туземцев (как хантов, так и ненцев). Получив такое задание, Хоровы через два дня вернулись на реку Ими-Еган, что в Тром-Аганском туземном совете Сургутского района. Вообще-то Хоровы жили на реке Ляпин Березовского района (левобережье Оби), однако весной 1933 г., узнав, что их хотят арестовать, перекочевали в пределы Тром-Агана.

К. И. Хоров мечтал быть одним из лидеров выступления и постарался превзойти данные ему «думой» полномочия. С этой целью в январе 1934 г. он вместе с семьей перекочевал на реку Вын-

¹ Головнев А. В. Говорящие культуры. Традиции угров и самодийцев. Екатеринбург, 1995; Тимофеев Г. Казымская трагедия // Югра. 1995. № 9.

² АТРУ ФСБ. Д. 2695. Т. 1-8.

³ Там же. Д. 5604. Т. 1-5.

Парын-Еган (в Пуровском районе), что около озера Пяко-То, где уже обосновались семейства казымцев Лозямовых, Захаровых и Вагатовых, также скрывающихся от репрессий. Лозямовы, к примеру, после переизбрания послушного русским состава тузсовета, в декабре 1931 г. откочевали из Ильбигорта в верховья Лево́й Хетты (Надымский район), а оттуда – в марте 1933 г. – в район озера Пяко-То. Установив с ними хорошие отношения, К. И. Хоров через 20–25 дней после своего приезда вместе с В. Т. Захаровым отправился на поиски лесных ненцев рода Пяк, проживающих недалеко от Пяко-То.

Они навестили чум Аликапси Пяка, где вместо хозяина их встретил Коман Пяк, рассказавший, что заведующий Пуровской разъездной факторией Ануфриев и уполномоченный уголовного розыска Надымского райотдела милиции Мурашов арестовали ненца-«кулака» Наймо Пяка и держат его на фактории. Впрочем, лесные ненцы тоже не сидели сложа руки. На второй день после этого ареста в чуме Аликапси Пяка состоялось собрание во главе с Осилюмой Пяком, которое решило направить к К. И. Хорову шесть делегатов. Это были Аликапси, Осилюма, Чучеля, Ална, Силла и Талико Пяки. Они просили Хорова о помощи. Таким образом, на озере Пяко-То, как и на Нум-То, повстанцам удалось объединить под своими знаменами казымских хантов и лесных ненцев. Сама жизнь (точнее, политика советской власти) толкала их в объятия друг друга.

Встреча произошла в чуме Хорова. Обсуждение сразу же приняло конкретный характер и велось вокруг вопроса: как завлечь Ануфриева и Мурашова в засаду без потерь со своей стороны. Хоров предложил заманить их в чум В. Т. Захарова, для вида пригласив в гости. На том и порешили. Ненцы заночевали в чумах хантов, а на следующий день, в сопровождении К. И. Хорова и его сына Василия, отправились к себе. Не доезжая 5 км до чума Алны Пяка, они встретили Комана Пяка, который сообщил, что в его чум приехали Мурашов и Ануфриев.

К. И. Хоров, договорившись с ненцами о совместных действиях, тотчас повернул домой. Члены его группы собрались в чуме В. Т. Захарова, который отправил свою дочь Марию известить четырех братьев Вагатовых и Николая Хорова. До их приезда из нарт соорудили баррикаду. Тем же вечером Коман, Ална, Силла и Осилюма Пяки повезли Ануфриева и Мурашова к чуму В. Т. Захарова. Для расправы здесь собралось десять хантов (В. К. Лозямов, Дмитрий и Даниил Захаровы, четверо сыновей В. Т. Захарова, сыновья Д. П. Вагатова и сам К. И. Хоров), вооруженных винтовками и охотничьими ружьями. Ануфриев и Мурашов приехали через несколько минут после появления Вагатовых и Николая Хорова. Командовать расстрелом К. И. Хоров поручил своему помощнику («есаулу») В. К. Лозямову, который и прокричал команду: «Ято муй вантэн эстато (Что смотрите, стреляйте)». Залпом десяти ружей и винтовок оба русских были свалены на землю. При осмотре трупов у них было найдено 2 револьвера, причем в одном из них не

хватало двух патронов. Один револьвер взял себе К.И. Хоров, другой – В.К. Лозьямов. Трупы отвезли в лес, где их закопали сыновья Хорова и двое Вагатовых.

В ту ночь ненцы ночевали вместе с хантами, а на следующее утро, попив чаю, устроили собрание, на котором решили всем вместе ехать на факторию. Собралось более двадцати человек. Не поехали хантыйские старики Кирилл Лозьямов, Василий Захаров и Даниил Вагатов, зато согласились 14 ненцев, в том числе Аликапси, Ална, Коман, Осилюма, Силла, Талико, Хатетома и Чучеля Пяки. Ханты и ненцы хотели не только освободить из заключения Наймо Пяка, но и разграбить Пуровскую факторию. По дороге они встретили служащего фактории зырянина Ивана Пиналея, связали его и, связанного, привезли на место (по окончании грабежа его отпустили). Вскоре повстанцы добрались до фактории. Прежде всего, они освободили Наймо Пяка, а у его сторожа Овуса Тухи забрали наган. К. И. Хоров предложил Наймо самому убить сторожа, что тот и сделал ударом палки по голове. Сразу после убийства Алексей Вагатов нашел в одном из чумов фактории две винтовки, которые Хоров отдал В. К. Лозьямову и Алне Пяку. Затем повстанцы приступили к дележу имущества фактории. Первым делом разделили сотню оленей (50 – ненцам и 50 – хантам). Товары (кожи и шкуры оленей, шкурки песцов, белок и лисиц) и продукты (мука, чай, масло, сахар) на сумму 11138 рублей также стали добычей повстанцев. В награду за спасение от ареста Осилюма Пяк подарил Хорову нового «неплюйчатого гуся» (одежду), а Аликапси Пяк – большого белого оленя.

После раздела добычи в чуме Аликапси состоялось собрание, на котором главами местной «думы» были признаны К. И. Хоров, В. К. Лозьямов и говоривший по-хантыйски Ална Пяк. Хоров обратился к собравшимся: «Ну, народ, если вы нас троих человек выбрали в думу, то вы должны нас и слушать. Нам нужно – ненцам и хантам – жить всем заодно. Советской власти нам не надо. Мы –

богатые люди, без нее хорошо проживем, а если с нами часть ненцев-бедняков, то мы вас прокормим своим мясом, оленей для вас у нас, богатых, хватит. Пусть русские попробуют к нам приехать, мы их так же встретим, как и первых двух. У нас сейчас сила большая. Жить нам в тундре будет неплохо. Одну факторию мы разбили, нам пока продуктов хватит, а вот когда двинемся в сторону Сургута, там еще две лавки разобьем. Советская власть для нас не страшна. У нас для русских винтовок и патронов хватит». Выступление Хорова поддержали Осилюма, Наймо и другие. Решено было объединиться и откочевать в сторону Сургутской тундры.

В марте 1934 г. – вскоре после подавления Казымского восстания – в местечке Сумут-Нюрым (междуречье Тунг-Егана и Ими-Егана) съехалось 16 чумов, в которых находилось 30 взрослых мужчин (в том числе, К. И. Хоров, В. Т. Захаров, К. Д. Лозямов с сыновьями, Д. П. Вагатов, Аликапси, Ална, Коман, Наймо, Осилюма, Силла, Талико Пяки и другие). Повстанцы прожили здесь около двух месяцев. В один из апрельских дней в чуме Наймо Пяка собрался народ, и К.И. Хоров шаманил на бубне. Духи якобы сказали ему: советская власть их не победит, они ее прогонят с помощью «белых». Хоров предложил: с началом бездорожья (когда русские не смогут передвигаться по тундре) выйти на реку Тром-Аган, разгромить там факторию Омскпушнины, захватить Тром-Аганский тузсовет, попутно истребляя русских, а затем опустошить ларек Интегралкооператива на озере Нум-То. Вслед за Хоровым на собрании выступили Наймо и Осилюма Пяки и братья Дмитрий и Даниил Захаровы. Все они полностью поддержали план Хорова.

На следующий день был проведен религиозный обряд «поры», во время которого был забит 21 олень. К. И. Хоров шаманил на топоре, после чего обратился к собравшимся: «Вот, народ, я сейчас разговаривал с тунхом, кото-

рый говорил – это хорошо, что вы, ханты и ненцы, восстали против советской власти, и вас советская власть не победит. Казымский народ ломает советскую власть в Березовской тундре, а вы начните в Сургутской, возьмите сургутские лавки, разгромите Тром-Аганский тузсовет, а работников советской власти уьем, покончим с Тром-Аганом, двинемся на Нум-То, там соединимся с нашим народом». Вскоре после проведения «пор» К. И. Хоров поехал на разведку. В течение десяти дней он объездил все близлежащие торговые точки и убедился в отсутствии на них то-

варов. Как объяснил ему сургутский хант Покачев, они находились на складах в юртах Ермаковых.

В середине апреля 1934 г. повстанцы снова собрали «думу», на которой присутствовали все. К. И. Хоров настаивал на побеге на юрты Ермакова, однако три ненцабедняка (Силла, Талико и Хыллу Пяки) сказали: «Богачи пусть едут, а у нас продуктов нет, сейчас уже сидим голодом». Затем выступил В. К. Лозьямов: за последние два месяца он скормил бедноте 18 оленей и 3 мешка муки, больше он бедноту кормить не будет.

Шаман

Выступившие вновь К. И. Хоров, Ална и Осилюма Пяки предложили: сейчас беднота пусть уезжает, а зимой 1935 г. все соберутся снова (Хоров соберет хантов, Ална – ненцев). На том и порешили. Через два-три дня ненцы (а с ними и Хоровы) откочевали в Пуровскую тундру.

Далее пути наших героев разошлись. Вновь встретиться им так и не удалось. Семеро ненцев – активных участников выступления, 11 апреля 1935 г. были арестованы органами НКВД и предстали перед судом. 9-10 сентября 1935 г. спецколлегия Омского областного суда приговорила Талико и Чучелю Пяков к трем годам, Наймо и Хайдоуму Пяков – к пяти, Силлу Пяка – к восьми, Алну и Осилюму Пяков – к десяти годам тюремного заключения. Поймать К. И. Хорова весной 1935 г. чекистам не удалось. В марте или апреле в его чум приехал ненец Вагатумма Пяк и предупредил, что его ищут шестеро русских. К. И. Хоров отправил семью в лес, а сам притаился в загодя приготовленной засаде. С 60 метров он начал стрелять на поражение и десятым выстрелом свалил одного из нападавших, после чего сразу убежал в лес, боясь быть схваченным. Чекисты конфисковали его чум и оленей.

После собрания в Сумут-Нюрыме Лозьямовы, Захаровы и Вагатовы откочевали в верховья реки Ингу-Еган, где прожили до ноября 1934 г., затем перебрались на Варь-Еган, в мае 1935 г. вернулись на Ингу-Еган, а в октябре 1935 г. перекочевали в верховья Уныр-Егана. По приезде на Уныр-Еган, пригласив через Покачева сургутских хантов, они провели в чуме В. К. Лозьямова тайное собрание, на котором присутствовало 20 человек: В. Т. Захаров, Дмитрий и Даниил Захаровы, Д. П. Вагатов с четырьмя сыновьями, К. Д. Лозьямов с сыном Василием, четверо Покачевых, П. Н. Сопочин, С. К. Аликов с сыном Степаном, Пенеку и Умучума Пяки, Вылла Капаси.

На собрании казымцы просили сургутских хантов не выдавать их властям и быть с ними заодно, а в будущей борьбе помогать им. На бубне тогда шаманил К. Н. Аликов, который затем сказал: «Вот и хорошо, что казымцы объединяются с сургутскими хантами для совместной борьбы». Так и решили – всем действовать заодно. По такому случаю провели «поры».

Октябрьские «поры» 1935 г. стали последним мероприятием, организованным участниками группы К. И. Хорова. В начале

1936 г. Остяко-Вогульский окружной отдел НКВД провел операцию по их «изъятию» из тундры. 28 января были арестованы старики В. Т. Захаров и К. Д. Лозьямов, 29 января – К. И. Хоров, 6 февраля – В. К. и Н. К. Хоровы и пятеро Вагатовых, 14 февраля – В. К. Лозьямов и братья Захаровы. Кроме них, под следствием оказались активные участники Казымского восстания шаманы К. Н. Аликов и Я. П. Молданов, а также пятеро сургутских хантов, содействовавших группе К. И. Хорова. К 12 апреля 1936 г. от всех арестованных были получены показания, а у В. Т. Захарова обнаружен клад золотых монет царского и советского чекана на общую сумму свыше 1500 рублей. В. Т. Захаров, как выяснилось, в 1928 г. был осужден на два, а в 1930 г. – на три года лишения свободы, однако сбежал из-под ареста и скрывался до 1936 г.

27 июня 1936 г. начальником Омского управления НКВД старшим майором ГБ Салынем было утверждено обвинительное заключение по делу, составленное 12 июня оперуполномоченным окружного отдела НКВД младшим лейтенантом ГБ Костенецким и начальником отдела старшим лейтенантом ГБ Петровым. 16 августа 1936 г. обвиняемые предстали перед судом (за исключением В. Т. Захарова и А. И. Сопочина, которые умерли в ходе следствия). 21 августа выездная сессия спецколлегии Омского областного суда в Остяко-Вогульске вынесла свой приговор:

1) на основании статьи 59-3 К. И. Хорова подвергнуть высшей мере наказания (расстрел);

2) В. К. Лозьямов и К. Н. Аликов осуждены на 10 лет лишения свободы с поражением в правах на 5 лет;

3) Дан. В. и Дм. В. Захаровы, В. К. и Н. К. Хоровы и Алексей Вагатов осуждены на 6 лет (последний – с поражением в правах на 3 года);

4) Я. П. Молданов осужден на 5 лет без поражения в правах;

5) Николай Вагатов осужден на 4 года, а его братья Александр и Андрей – на 3 года;

6) Д. П. Вагатов и К. Д. Лозьямов осуждены на 6 месяцев лишения свободы.

Определение Спецколлегии Верховного Суда РСФСР от 16 сентября 1936 г. оставило приговор в силе. Прокуратура Тюменской области в 1989 г. отказала участникам группы К. И. Хорова в реабилитации.

Что можно написать в заключение? В действиях группы К. И. Хорова явно различимы отблески Казымского восстания. Во-первых, они прямо вытекали из задания, поставленного перед Хоровым Казымской «думой». Во-вторых, и здесь союзниками казымских хантов были лесные ненцы. В-третьих, в обоих случаях создавалась «дума», а среди жертв повстанцев фигурировали сотрудники карательных органов. Важно и то, что руководству повстанцев приходилось решать сходные задачи. Кажущаяся самостоятельность К. И. Хорова не отменяет взгляд на деятельность его группы как на один из эпизодов Казымского восстания.